

УДК 94(410.1)

ББК 63.3(4Вел)51

Англия начала XVII в. глазами русских*В.Н. Козулин*

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**England in the Early Seventeenth Century
through Russian Eyes***V.N. Kozulin*

Altai State University (Barnaul, Russia)

Тема статьи лежит в русле так называемой имагологии (научного направления, изучающего проблемы этнических образов в литературной традиции). Предметом статьи является один интересный пример контакта русской и английской культур, который произошел в самом начале XVII в., на закате Елизаветинской Англии. Речь идет о русском посольстве в Англию Г.И. Микулина 1600–1601 гг. и о некоторых особенностях восприятия русскими Англии этой великой эпохи.

Помимо попытки показать русский образ Англии, уделяется внимание и образу самих русских, в том числе в глазах королевы Елизаветы I, которая, по-видимому, проявляла интерес к русской культуре и была лично очень расположена к членам посольства, много раз удостоивала их аудиенций, приглашала к столу и на разные праздники и королевские потехи.

Из статьи следует вывод, что распространенное в литературе мнение о том, что европейцы (и англичане в том числе) представляли себе русских допетровской эпохи исключительно как варваров, является не столь однозначным, имела место иная тенденция — стремление к взаимоуважительным и равноправным отношениям и даже некоторая симпатия. Следует подчеркнуть, что эта симпатия была взаимной, и со стороны русских мы видим в целом очень лояльное и благожелательное отношение к Англии и англичанам. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с еще одним ярким примером положительного культурного диалога русской и западноевропейской культур в допетровские времена.

Ключевые слова: англо-русские культурные связи, история дипломатии, этнический образ, имагология.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-24

В исторической науке давно стала актуальной культурологическая проблематика. И в рамках такого подхода к истории одной из популярных тем становится

The theme of the article is in line with the so-called imagology (area of research, studying the problems of national images in the literary tradition). The article considers an interesting episode of Russian and English cultures contact, which occurred at the beginning of the XVIIth century, at the end of Elizabethan age. We mean the G.I. Mikulin's mission to England (1600–1601) and some of the features of Russian perceptions of England in that great era.

In addition to attempts to show Russian image of England, the article focuses on the image of the Russians themselves, in particular in the eyes of Queen Elizabeth I, who, apparently, was interested in Russian culture and was disposed to the members of the mission, gave them audiences, invited them to share the royal meal and to participate in the different holidays and royal entertainments.

From the article it can be concluded that the widespread view in our literature that the Europeans (and the English in particular) imagined the Russian of the pre-Petrine era solely as barbarians is not so unequivocal and that there was a different trend — the pursuit of mutually respectful and equitable relations and even some kind of affection. It should be emphasized that this affection was mutual, and on the Russian side, we see generally very loyal and benevolent attitude towards England and the English. Thus, in this case we deal with yet another shining example of the positive cultural dialogue between Russian and Western culture in pre-Petrine times.

Key words: Anglo-Russian cultural relations, diplomatic history, national images, imagology.

изучение проблемы этнических образов в литературной традиции (так называемая имагология — от лат. *imago*, «образ») (см.: [1–4]), которая, на наш взгляд,

является частью более широкой проблемы межкультурных коммуникаций. С другой стороны, весьма актуальной до сих пор (и особенно в отечественной науке) является проблема культурных контактов, взаимодействия русской и западноевропейских культур (ср.: [5–9]).

Тема нашей статьи лежит в русле обоих этих направлений и призвана осветить один любопытный эпизод в истории становления русско-английских культурных контактов. Проблема истории англо-русских отношений в целом довольно хорошо изучена в историографии [10–21]. Уже давно были изданы и много раз переиздавались многочисленные сочинения английских дипломатов и путешественников о Московском государстве. Однако гораздо больше изучена тема английского восприятия. Что же касается особенностей восприятия русскими Англии, то здесь исследований существенно меньше, и большинство из них посвящены послепетровскому периоду в истории России [22–26].

Принято считать, что отношения России и Англии завязались при Иване Грозном и что это был наиболее англофильский царь (ср.: [27, с. 295–317]). Однако это не совсем так. Первые сношения с Англией, очевидно, имели место еще при Василии III, когда в 1524 г. направлявшийся в Испанию из Москвы князь И. И. Засекин-Ярославский и сопровождавший его дьяк С. Б. Трофимов сделали остановку в Англии [28, с. 185–187]. А что касается англофильства, то современная отечественная исследовательница Т. Л. Лабутина, ссылаясь на сведения английского посла Джерома Горсея, полагает, что не меньшим англофилом, чем Иван Грозный, настоящим «ласкателем англичан» был Борис Годунов, который, между прочим, подумывал об эмиграции в Англию [13, с. 80–81].

Надо сказать, что Борис вообще симпатизировал иностранцам и был первым до Петра Великого царем, который отправил русских молодых дворян учиться за границу (см.: [8, с. 275]). Но в отношении Годунова к Англии дело обстояло не столь однозначно. Так, например, известный российский специалист по истории международных отношений Ф. Ф. Мартенс писал, что изначально отношение Бориса к Англии складывалось не самым благоприятным образом. Хотя после смерти «вашего английского царя» (Ивана Грозного — по выражению сурового к иностранным купцам дьяка А. Я. Щелкалова) Елизавета, по совету Горсея, уповала на Бориса и его сестру царицу Ирину (супругу царя Федора) как на главных защитников англичан в России и писала им льстивые письма, Борис, по-видимому, таил на нее немало обид, в частности, например, из-за того, что в этом письме королева по ошибке назвала его «дьяком» [29, с. XLVIII–XLIX]. В это же время имело место неосновательное (как замечает Ф. Ф. Мартенс) неудовольствие московских властей по поводу будто бы нанесенных обид

гонцу Р. Бекману, которого королева не сразу приняла. Вообще, начало царствования Федора (при фактическом правлении Бориса) было ознаменовано периодом очередного острого конфликта между Англией и Россией [30, с. 7].

По поводу этой обиды Елизавета оправдывается тем, что была чрезвычайно занята важнейшими государственными делами и к тому же знала, что раньше весны он все равно не может возвратиться в Москву [29, с. XLIX–L]. В том, что касается места приема, которое в силу живого (если верить королеве) донесения Бекмана, тоже вызвало немалую обиду Москвы, Елизавета в свое оправдание сообщает, что то вовсе не был сад, в котором (как донес Бекман) разводится лук и чеснок, но «это прелестнейший и достойный государя сад», и что это место якобы «прилегает к самым тайным отделениям нашего дворца, и мы... в виде особенной милости, принимаем там только тех, которые наши приближенные и любезные слуги» [29, с. L]. Эту историю мы привели не случайно. Она может отчасти объяснить причины необычайно теплого приема Елизаветой посольства Г. И. Микулина и в целом прояснить некоторые особенности отношения англичан к Московской России в тот период, когда торговые отношения с ней для англичан были крайне важны.

Как бы то ни было, но именно на царствование Бориса Годунова приходится один из самых интересных и успешных дипломатических эпизодов в отношениях Московского государства с Англией. Об этом эпизоде и пойдет речь в настоящей статье. Помимо стремления пролить свет на этот малоизвестный, полузабытый эпизод в истории русско-английских связей (он вовсе не упоминается, например, в новейшей монографии на тему русско-европейских связей Т. В. Черниковой [8]), задачами статьи являются раскрытие своеобразных взглядов на Англию периода заката правления Елизаветы I с необычной стороны — представителей довольно далекой от нее тогда русской культуры, а также выявление характера и некоторых особенностей культурного взаимодействия двух народов в этот период.

Под упомянутым эпизодом мы имеем в виду посольство в Англию Григория Ивановича Микулина 1600–1601 гг., которое по праву может быть названо одним из крупных событий в истории дипломатии эпохи Годунова. Материалы этого посольства впервые были изданы в 1883 г. в 38-м томе сборника Императорского русского исторического общества [31, с. 278–363], а впоследствии частично были включены в сборник «статейных списков» русских послов XVI–XVII вв., изданный в 1954 г. [32, с. 156–205]. Об этом посольстве существует единственное специальное исследование, появившееся еще до опубликования самих материалов [33]; кроме того, это посольство упоминается иногда, более или менее подробно,

в работах, посвященных русско-английским отношениям (ср.: [10; 34]). Возглавлял посольство, как уже было сказано, дворянин Григорий Микулин, а его помощником (секретарем) был подьячий Иван Зиновьев. По предположению авторов археографического обзора в последнем издании памятника, основные записи вел подьячий Зиновьев («Ивашка»), а посол потом при обработке текста «выбросил чересчур частые и нескромные упоминания своего помощника о его роли в переговорах» [32, с. 349]. Кроме того, в посольстве принимал участие переводчик — англичанин Андрей Грот [10, с. 52].

Об участниках посольства практически нет достоверных биографических сведений. Про Г.И. Микулина известно только, что он был, по словам грамоты, привезенной им от королевы Елизаветы, царского «двора шляхтич, знатного рода» (a Principall Gentleman of Your Courte), и в деле он постоянно называется дворянином [33, с. 22]. По-видимому, он не был профессиональным дипломатом. Автор исследования об этом посольстве Н.В. Чарыков нашел у Карамзина несколько упоминаний предположительно именно об этом человеке. Первое из них относится к 1590 г., а последнее — к 1610 г. Вероятно, Микулин был тот самый стрелецкий голова, который после смерти Бориса Годунова перешел на сторону Лжедмитрия I [33, с. 22–23, прим. 35; 32, с. 403, прим. 1]. Современный отечественный исследователь С.Н. Богатырев, автор публикации одного английского письма, имеющего отношение к нашей теме, утверждает, ссылаясь на данные историка В.Б. Кобрина, что Микулин выдвинул-

ся еще при царе Иване Грозном, и в 1571–1572 гг. служил опричником [35, с. 87, прим. 2]. Скудость сведений русских источников (являющаяся вполне обычным явлением) в какой-то мере восполняет уникальный английский портрет Микулина, писанный во время его пребывания в Англии [33, с. 22–23]. Этот портрет (рис. 1), находится сейчас в Историческом музее в Москве (библиография о портрете содержится в статье О.А. Белобровой [36, с. 350]). Рядом с ним мы приводим портрет Елизаветы I, к которой Микулин был послан и с которой очень тепло и довольно много общался в течение своего пребывания в Англии (рис. 2).

Английский историк Н.С. Эванс, сопоставив данные портрета с тем, как описывал внешность Микулина один из англичан, лично видевший посла, пришел к выводу, что портрет скорее отражает впечатления художника, чем реальный образ посла. Судя по описанию, Микулин был очень полным высокорослым человеком, и его величественное лицо обрамляла черная борода. На портрете же Микулин изображен безбородым, с небольшими усами татарского типа [34, с. 523; 527]. Некоторый дополнительный свет проливает на личность посла сохранившееся в микулинском архивном деле письмо к нему английского государственного деятеля сэра Эдварда Хоби от 15 мая 1602 г. (с ходатайством о каком-то англичанине, отправляющемся в Россию). Из этого источника можно сделать вывод, что Микулин был человеком, способным расположить к себе окружающих, проявлял заметный интерес к общению с иностранцами и был

Рис. 1. Г.И. Микулин, русский посол в Англии
Портрет работы неизвестного английского художника, 1601

Рис. 2. Елизавета I, королева английская
Портрет работы Маркуса Чирэртса Младшего, 1595

не чужд западной культуры ([35, с. 88], ср.: [33, с. 36, прим. 58]). Это подтверждал еще М.П. Алексеев, известный знаток русско-английских культурных связей (см.: [10, с. 50–52]).

В литературе довольно распространенным является мнение, что в допетровскую эпоху европейцы воспринимали русских по большей части как «варваров». Действительно, такое мнение находит подтверждение во многих источниках, в том числе и в английских. Варварами называли русских, например, Климент Адамс (излагающий историю плавания Ричарда Ченслера) [37, с. 50] и Сэмюэл Коллинс [38, с. 38–39], но особенно яркую картину «русского варварства» нарисовал в своих стихах-памфлетах из России английский поэт Джордж Турбервилль [39, с. 245–275].

Однако стоит учитывать по меньшей мере три фактора, которые способствовали более лояльному отношению к русским. Первый фактор, безусловно, это огромная выгода англичанам от торговли с Россией, а также транзитной торговли через Россию с Персией. Потому так опасались английские правители гнева русских царей и, как правило, стремились всячески их задобрить разнообразными символическими почестями, особо уважительным отношением к царским послам, старанием угождать всем требованиям принятого при царском дворе этикета. Вторым фактором был приход на русский престол, как бы то ни говорили, в целом проанглийского царя Бориса Годунова, в отношении которого английская королева Елизавета всячески пыталась выразить свое расположение.

Наконец, третьим фактором мог быть, вероятно, и вполне искренний интерес, проявленный многими англичанами к необычной русской культуре. Некоторые англичане начали изучать русский язык и даже перевели с русского на английский несколько географических сочинений, способных заинтересовать английского читателя (например, о путешествии одного сибирского казака в Монголию и Китай). По словам ряда английских путешественников, они читали также русские летописи [10, с. 38–39]. Поэтому не удивительно, что русский топоним встречается в произведениях Шекспира, Мильтона и многих других известных английских писателей [10, с. 29–46].

По свидетельству Горсея, сама королева Елизавета проявляла интерес к русскому языку. Однажды, когда Горсей докладывал ей о полученных от русского царя привилегиях английским купцам (которых, по ее словам, они не стоили), королева долго разглядывала одну из царских грамот, а потом приказала Горсею встать на колени рядом и начала расспрашивать, какое звучание имеет та или другая буква, находя их сходства с греческими, и, наконец, сказала: «Я бы скоро ему выучилась». По словам Горсея, она просила также своего тогдашнего фаворита лорда Эссекса выучить этот «знаменитейший и богатейший в мире язык», и он «за-

нимаясь этим, получил много удовольствия и восхищался им» [10, с. 36; 39, с. 112].

Г.И. Микулин и И. Зиновьев (вместе с переводчиком А. Гротом) отплыли в Англию из Архангельского порта, как обычно, на одном из английских торговых кораблей 17 августа 1600 г. Посольство было отпущено царем Борисом еще 15 мая, но сборы и путешествия при тогдашнем уровне развития коммуникаций составляли длительный срок. Основной формальной целью посольства было сообщение Елизавете о вступлении Бориса Годунова на престол (в 1598 г.). Как отмечает Н.В. Чарыков, торжественное извещение дружественных государей о вступлении русских царей на престол в начале XVII в., по-видимому, уже утвердилось в дипломатической практике [33, с. 12, прим. 11]. снаряжение этого посольства было проявлением особого дружественного расположения Годунова к Елизавете. Обычно сношения с Англией велись посредством «гонцов», а Микулин был четвертым в истории этих отношений «посланником» [33, с. 12, прим. 11]. Посол должен был также подтвердить торговые привилегии английских купцов [32, с. 281] и выразить удовлетворение по поводу того, что ходившие в Москве слухи об англо-турецкой дружбе не подтвердились [32, с. 282]. Кроме этого, одной из важнейших задач, ставившихся перед послом, было выяснение характера отношений между английским правительством и соседями Русского государства — Польшей, Швецией и Турцией. Наконец, не последней задачей посольства было и привлечение в Россию из Англии «мудрых и мастеровых людей». Микулин привез трех таких человек [33, с. 19, прим. 28].

18 сентября посольство прибыло в Англию, в г. Грейвзэнд, недалеко от Лондона. На набережной его встретили «того городка приказный человек и с ним посадских людей человек двести». Подойдя к Микулину, этот приказный человек «встал с ним за руки» (пожал руку) и, при стрельбе из пушек с крепости и кораблей, проводил посла и его свиту и командира эскадры, доставившей посольство, Ивана Ульянова (известного английского купца Джона Меррика) до подворья. На следующий день из Лондона от королевы приехал «хибирский князь» (от лат. *Hibernia* — Ирландия) Ульян Розсей (граф Уильям Россель [*Russell*]) и с ним многочисленные «дворяне и гости (купцы)», в числе которых был Франчик Иванов (английский купец и путешественник Фрэнсис Черри), ездивший в Россию в 1598 г. [32, с. 159, 404, прим. 11–12]. Россель приветствовал посла от имени королевы и препроводил в Лондон на королевских судах (по Темзе). Сама королева находилась в это время за городом «в селех своих», «от Лунда (Лондона) верст с двадцать».

Когда Микулин приближался к Лондону, Россель объяснил ему, что у того места, где ему предстоит

выйти на берег, пристаёт только одна королева и никто из ее великих ближних людей, ни князи, ни бояре, ни которых государств послы и посланники в этом месте не пристаюг. Эту особенную почесть «перед всеми иноземцы свыше иных государств послов и посланников» королева велела оказать русскому послу «ради его царского величества к себе братской любительной ссылки» [32, с. 160]. По пути на улицах, на судах, по берегам было множество народа и с «города» и судов стреляли из множества пушек [32, с. 162].

Как уже говорилось выше, такие особые почести по отношению к русской делегации были оправданы всегдашним особым вниманием русских того времени к детальному соблюдению этикета и проявлению должного уважения к представителям московского царя. В наказе Микулину содержатся подробные инструкции на этот счет. Послу вменялось в обязанность неустанно следить, чтобы вследствие несоблюдения какого-нибудь даже мелочного правила этикета не умалилась «честь государева». Поэтому Микулин постоянно наблюдал за тем, кто шел по правую его руку и кто по левую, не сидел ли кто на более почетном месте, чем он, не присутствовали ли какие-то другие иностранные послы на его аудиенциях у королевы (согласно инструкции посла русского царя следовало принимать отдельно) и т. п. (см.: [33, с. 24]).

Свое первое впечатление от города Лондона авторы микулинского «статейного списка» передают следующим образом: «А города Лунда Вышгород [the Tower] камень, не велик, стоить на высоком месте, и около его воды обводные, а Большой город [City], стена каменна ж, стоить на ровном месте; около его ворота с четыре и больше, а через реку Темзь [Thames] меж посадов мост камен, а на мосту устроены дома каменные и лавки и торг великий устроен со всякими товары» (имеется в виду знаменитый London Bridge) [32, с. 162; 33, с. 23].

По прибытии на лондонский берег делегацию встретил «королевнин дворовой воевода лорд Харберт Пенброк» (Уильям Херберт, молодой придворный, покровитель Шекспира, которому посвящено первое издание шекспировских пьес, унаследовавший от отца звание графа Пемброка спустя несколько месяцев после приезда Микулина [32, с. 405, прим. 13]). Лорда Херберта сопровождали «князи, и дворяне, и дети боярские, и алдраманы (*aldermens*, члены городского совета), и гости на жеребцах и на конех, в наряде и в золотых чепях, человек с триста; и пешие многие люди, да королевнинных дворовых людей дробантов человек со сто, с рогатинами з золочеными и с корды, в скорлатном червчатом платье; а на платье у дробантов шиты королевнины печати золотом» (так описывается традиционный костюм королевских телохранителей) [32, с. 160].

Лорд Херберт «виталяся за руки» «з Григорьем и с Ывашком» и пригласил их сесть в специально присланные королевские «кочи» (очевидно, от англ. *coach*, экипаж, карета [32, с. 405, прим. 15; 33, с. 26, прим. 41]). Посол сел в главную карету «в большом месте», напротив него сидел лорд Херберт, а «по сторонам в дверцах сидели с правые стороны князь Ульян Розсей [Уильям Россель], а с левую сторону сидел гость Иван Ульянов [Джон Меррик]». В другой «коче» сидели подьячий Иван Зиновьев и переводчик Андрей Грот, а с ними — купец Фрэнсис Черри [32, с. 161].

Во время своего пребывания в Англии русские неоднократно удостоивались аудиенции у королевы и, судя по всему, престарелая королева прониклась к ним искренней симпатией. Например, однажды королеву очень позабавило, что после одного обеда у нее посол не хотел умыть рук в серебряном сосуде, поданном ему по ее приказанию: «И королевна почала быть весела и Григорью то похвалила, что ее почтил, рук при ней не умывал» [32, с. 178; 12, с. 228, прим. 4]. Королева принимала Микулина много раз, в частности, 17 ноября 1600 г., в годовщину ее вступления на престол, посол был приглашен на вечер к королеве и наблюдал происходивший по этому случаю турнир — «королевину потеху, как пред нею билися, съезжаясь меж себя, князи и боярские дети, и дворяне в полных доспесех на аргамацах и на жеребцах древцы» [32, с. 173].

В праздник Крещения (6 января 1601 г.) Микулин и Зиновьев были званы к королеве на обед, а перед обедом они вместе с королевой присутствовали при обедне. Любопытно описание этой протестантской обедни: «А как королева вошла в церковь, учили играть в церкви в ворганы и в трубы и в иные во многия игры и пети, а сказывали приставаы, что поют псалмы Давыдовы. А место, где попы служат, сделан рундук; а на рундуке поставлен стол, покрыть камкою, а на столе лежать две книги обложены золотом, а называют Апостолом да Евангилем, да на столах поставлены две свечи не зажжены, а попы стояли в ризах золотных, а по крыласам стояли дяки в стихарех белых. А как учили отпевать обедню и королева, подшед к месту, где попы служат, приклякнула на колени и дала попам на блюдо в трех бумашках, рассказывали приставаы, что королева по своей вере по вся праздники приносит в дар Богу злато и ливан и смирну и, отдав, пошла к себе в палату» [32, с. 176; 33, с. 30].

Во время обеда Микулин и Зиновьев сидели по левую руку от королевы за отдельным столом, и подавали им стоя, а не сидя, лорд Бедфорд и Джером Боус (бывший английский посол в России). После обеда у королевы Микулин получил приглашение отобедать у лорд-мэра Лондона; но так как Микулин не соглашался сесть за столом ниже лорд-мэра, а тот не соглашался уступить ему первое, хозяйское место, то Микулин на обед к лорд-мэру не поехал [32, с. 178].

15 апреля королева прислала Микулину с дворянином князем Иваном Стафером (John Stafford) оленя, которого застрелила сама (как замечает по этому поводу Н.В. Чарыков, королеве в это время было 68 лет (на самом деле еще 67, так как Елизавета родилась 7 сентября) [33, с. 31]). А 23 апреля Микулин получил приглашение «посмотрети, как она празднует мученику Георгию» (в Англии это, как известно, праздник ордена Подвязки). Когда он прибыл во дворец, его ввели в «невеликую особую палатку» (Микулин, как обычно, просил, чтобы в одно время с ним не было бы послов других государств), откуда можно бы видеть «королеву и чины ее»; а немного погодя, «шла королева из своих палат к церкви... и пошла из церкви около своего двора, а перед нею шли митрополит да владыка и попы в ризах золотых и несли две книги, а называть их Евангелие да Апостол, а пели, сказывают, псалмы Давыдовы, а за митрополитом и за владыкой и за попы шли бояре, а над королевною несли солнешник камчат червчат (зонт из багряной камки), а около нее шли дворяне с рогатинами, а перед ней несли саблю (вероятно, государственный меч — Sword of State), а за королевною шли боярыни и девицы» [32, с. 182–184; 33, с. 31–32].

Незадолго до отпуска посольства королева пригласила Микулина и Зиновьева «ехати гуляти в ее, королевнины, заповедные острова» («олений бити и зайцы травить» (посмотреть на королевскую охоту), «и колымагу прислала свою, в чем сама ездит»). Причем, как сказал королевский ловчий, «в те острова никто не въезжает, ни князи, ни бояре, и иных некоторых государств послы и посланники; а то де королевна делает, любя брата своего, великого государя вашего, а вас жалуючи; велела вам свою потеху показати; а после б деи того, чтоб вам пожаловати у меня сегодня ужинать и ночевать и завтра в островех тешитца» [32, с. 197–198].

Прощальная аудиенция состоялась 16 мая 1601 г. Первоначальная аудиенция была краткой: королева только призвала Микулина к руке и с тем отпустила, на что посол очень обиделся и даже отказался принять участие в «фуршете» (откушать «овощей и вина»), сетуя лорду Сассексу и графу Дерби, что королева не «приказала челобитья к великому государю нашему, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии самодержцу... и к царевичю, ко князю Федору Борисовичю всеа Руси», и ему не с чем «к его царскому величеству приехати». После того как об этом доложили королеве, она пригласила Микулина к себе «в постельные коморы». В эту «невеликую палату» его препроводил граф Дерби.

Вот крайне любопытное описание прощальной аудиенции у королевы. Приводим его во всех подробностях. Когда Микулин вошел, «королевна с места своего встала и велела Григорью приступить к себе близко и говорила: „Того деи себе и в мысли не дер-

жу, что был вам давеча отпуск; мне деи то как учинити, что к любительному моему брату, к великому государю вашему, к его царскому величеству, не подлинно наказав и челобитья не приказав, вас отпустить; а давеча де тебя позвала к руке, жалуючи, и велела вас в столовой полате подчивати овощи и вины, чтоб деи тебе быти прокладну; а теперво деи вам от меня отпуск подлинной“. И велела поставити стула блиско подле себя, и велела Григорью сести. И Григорей на королевнине жалованье челом бил, и блиско королевны не сел, и отвинув стула от того места с сажень, и сел на стуле; и посидя немного, встав королевна с места своего, говорила: „Теперво деи вас отпускаю: поедте к великому государю своему з божиею помочью; а приказываю деи с тобою к любительному моему брату, к великому государю вашему, царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Русии самодержцу...» [32, с. 200–201]. Посольство вернулось в Россию 14 июля 1601 г.

В заключение следует добавить, что свидетельства русских послов о пребывании в Англии являются ценным источником не только по истории восприятия, но и важным и интересным источником по истории самой Англии периода заката великой елизаветинской эпохи. Микулин застал (в феврале 1601 г.) восстание против королевы ее бывшего фаворита лорда Эссекса, незадолго перед тем отстраненного от дел и лишеного всех должностей при дворе. Королева заранее узнала о планах Эссекса захватить дворец и Тауэр и позаботилась об усиленной охране. Восстание было подавлено, а лорд Эссекс схвачен и казнен (см. об этих событиях подробнее: [40, с. 412–417]). Вот как описываются эти события в статейном списке Микулина: «И Лунда-город был заперт недели з две, а улицы замкнуты были чепми, а лунские люди все ходили в зборе наготове, в доспесех, с пищальми, остерегаючи королевну и опасаячися от иных окресных ближних государств эрл Эксетцкому вспоможенья, потому что он в Аглинской земли и в ыных государствах славен был и любим» [32, с. 178–181].

Как писал академик М.П. Алексеев, Микулин «довольно отчетливо представил себе события, совершавшиеся на его глазах. Он знал по именам главных действующих лиц неудавшегося заговора графа Эссекса, среди них шекспировского графа Саутгемптона, отметил сочувственное отношение к восстанию англичан посадских людей» [10, с. 51] Также, как явствует из одного печатного английского свидетельства 1605 г., Микулин, вероятно, помог одному из замешанных в восстании англичан (Джорджу Гарланду) скрыться из Англии в Россию. Микулин поселил его вблизи от своего поместья, неподалеку от Ярославля, и, вероятно, общался с ним [10, с. 51].

Часто упоминаются у Микулина шотландские послы, с которыми он тоже вел переговоры. На этот счет Джером Боус поведал Микулину свою догад-

ку, что «мы чаем, для того ссыла меж ими, государи, что ему, шкотскому королю, быти после королевны на Аглинском королевстве» [32, с. 182]. «Шотландский» материал посольских записок дал почву для исследования английского ученого Н.С. Эванса [34]. Наконец, по сообщению того же М.П. Алексева, «статейный список» посольства Микулина был по достоинству оценен не только английскими историками, но даже театроведами. Он позволил автору исследования о комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» Л. Хотсону вполне точно установить дату первого представления этой комедии при дворе королевы Елизаветы в присутствии герцога Орсини (который является одним из героев этой комедии). В тексте статейного списка Микулина Вирджини Орсини, герцог Браччяно, именуется как «Итальянские земли Флоренской удельной князь Верджен Аурсинов» [10, с. 51–52].

Из всего сказанного следуют по крайней мере два основных вывода. Во-первых, стоит подвергнуть сомнению устоявшееся мнение о том, что русские представлялись европейцам исключительно грубыми «варварами», дикарями. Рассмотренный случай микулинского посольства, напротив, свидетельствует о достаточно равноправных и взаимоуважительных отношениях, а со стороны престарелой

королевы Елизаветы, вероятно, даже о некоем увлечении и симпатии к жителям далекой и экзотической, но очень выгодной для английской торговли страны. Возможно, здесь также сыграла свою роль и сама личность посла, который, как уже говорилось, видимо, умел расположить к себе людей и был положительно настроен к европейской культуре.

Во-вторых, следует отметить в целом благоприятное и доброжелательное отношение к англичанам и Англии у русских участников посольства. Это невооруженным глазом просматривается при чтении «статейного списка». В нем практически отсутствуют какие-либо серьезные критические нотки в отношении англичан или черты распространенной в те времена религиозной или какой иной нетерпимости. Наоборот, повсюду в тексте замечен живой неподдельный интерес к чужой достаточно передовой культуре. Но все же главным для членов посольства было отстаивание интересов посланной их страны, строгое соблюдение правил этикета, непреклонное требование проявления уважения к своему государю. Таким образом, восприятие Англии участниками посольства 1600–1601 гг. является примером прагматического и вместе с тем лояльного к чужой культуре подхода, открывающего широкий путь для взаимообогащающего культурного диалога.

Библиографический список

1. Dyserinck H. Zum Problem der „images“ und „mirages“ und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft // *Arcadia*. 1 (1966). URL: <http://www.imagologica.eu/dyser>.
2. L'étranger tel qu'on le voit // Guyard M.-F. *La littérature comparée*. P., 1951. URL: <http://www.imagologica.eu/guyard#rfa>.
3. Leerssen J. *Imagology: History and Method*. URL: <http://www.imagologica.eu/pdf/historymethod.pdf>.
4. Ощепков А.Р. *Имагология // Знание. Понимание. Умение*. — 2010. — № 1.
5. Алпатов М.А. *Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв.* — М., 1973.
6. Платонов С.Ф. *Москва и Запад в XVI–XVII веках*. — Л., 1925.
7. Романов П.В. *Россия и Запад на качелях истории: в 4-х т. Т. I: От Рюрика до Александра I; Т. II: От декабристов до большевиков*. — М., 2009–2010.
8. Черникова Т.В. *Европеизация в России во второй половине XV–XVII веках*. — М., 2012.
9. Янов А.Л. *Россия и Европа. 1462–1921: в 3 кн.* — М., 2008–2009.
10. Алексеев М.П. *Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX в.) // Литературное наследство*. — Т. 91. — М., 1982.
11. Гамель И.Х. *Англичане в России в XVI и XVII столетиях*. Статья первая. Приложение к VIII тому Записок Императорской академии наук — № 1. — СПб., 1865.
12. Гамель И.Х. *Англичане в России в XVI и XVII столетиях*. Статья вторая. Приложение к XV тому Записок Императорской академии наук. — № 1. — СПб., 1869.
13. Лабутина Т.Л. *Англичане в допетровской России*. — СПб., 2011.
14. Лакиер А.Б. *Обзор сношений между Англией и Россией в XVI и XVII столетиях*. — СПб., 1854.
15. Любименко И.И. *История торговых сношений России с Англией*. — Вып. I. — XVI век. — Юрьев, 1912.
16. Мартенс Ф.Ф. *Россия и Англия в продолжение XVI и XVII веков // Русская мысль*. — М., 1891. — Кн. I–II.
17. Прокофьева Н.Е. *Англо-русские культурные контакты XVII в. : дис. ... канд. ист. наук*. — Великий Новгород, 2003.
18. Середонин С.М. *Английские известия о России во второй половине XVI века // Журнал Министерства народного просвещения*. — 1885. — Декабрь.
19. Соколов А.Б. *Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI — XVIII вв.* Ярославль, 1992.
20. Толстой Ю.В. *Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593 гг.* — СПб., 1875.

21. Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. — L., 1958.
22. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. — М., 1982.
23. Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.): очерки. — М., 2008.
24. Рогинский З.И. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645–1646 гг. — Ярославль, 1959.
25. Рогинский З.И. Лондон 1645–1646 годов. Новые источники о поездке Г.С. Дохтурова в Англию. — Ярославль, 1960.
26. Шестаков В.П. Англия глазами русских // Россия и Запад: диалог культур : сборник статей / отв. ред. А.В. Павловская. — Вып. 3. — М., 1996.
27. Валишевский К.Ф. Иван Грозный : пер. с фр. Репринт. воспр. издания 1912 г. М., 1989.
28. Лурье Я.С. «Открытие Англии» русскими в начале XVI века // Географический сборник изв. Географического об-ва СССР. — Т. III. — М., 1954.
29. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций России с иностранными державами. Т. IX (X): Трактаты с Англией. — СПб., 1892.
30. Рогожин Н.М. Иностранные дипломаты о России XVI–XVII веков // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). — М., 1991.
31. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. II (с 1584 по 1604 год) / под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина // Сборник императорского Русского исторического общества. — Т. 38. — СПб., 1883.
32. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. Репринт. воспр. издания 1954 года. — СПб., 2008.
33. Чарыков Н.В. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. (по документам Московского главного архива иностранных дел). — М., 1878.
34. Evans N.S. The Meeting of the Russian and Scottish Ambassadors in London in 1601 // The Slavonic and East European Review. Vol. LV. №4. October. 1977.
35. «Мой честнейший и дорогой друг Григорий Иванович Микулин». (Письмо английского государственного деятеля к русскому дипломату начала XVII в.) // Отечественные архивы. 1995. №6.
36. Белоброва О.А. Микулин Григорий Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 1993. — Вып. 3. — Ч. 2.
37. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937.
38. Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. — М., 1846.
39. Горсей Джером. Записки о России. XVI — начало XVII в. / под ред. В.Л. Янина; пер. и сост. А.А. Севастьяновой. — М., 1990.
40. Эрикссон К. Елизавета I / пер. с англ. Н.А. Анастасьева. — М., 2001.